

ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИИ

УДК 93:323.3

СОВЕТСКАЯ КАДРОВАЯ ПОЛИТИКА И НАУЧНАЯ ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ ТАТАРСТАНА В 20–30-е ГОДЫ XX ВЕКА

О.А. Хабибрахманова

Аннотация

В статье рассматриваются проблемы советской кадровой политики в высших учебных заведениях в 20–30-е годы XX столетия, прослежен процесс изменения системы управления вузами. Проанализированы идейно-политические изменения в советском обществе, которые оказали непосредственное влияние на профессиональную практику учёных. Сделан вывод о том, что реструктуризация науки привела к радикальным изменениям жизни всего научного сообщества.

Ключевые слова: научная интеллигенция, кадровая работа, советская власть, Казанский университет, выборы, должность, контроль, факультет общественных наук.

Новая структура управления вузами в Советской России, которая была инициирована властями и трансформировалась в 20–30-е годы XX в., оказалась бы нежизнеспособной, если бы не произошло идейно-политической «перезагрузки» всего университетского сообщества. Важность этой работы подчёркивали и сами идеологи эпохи реформ. Вот что можно прочесть в отчёте Народного отдела Наркомпроса за 1917–1919 годы о задачах в области организации науки: «На науку, взятую в её естественноисторической и политехнической части, ложится почётная и неопределимая задача преобразования, реформирования окружающей материальной среды, постановки её на такую высоту, при которой достигались бы высшие стремления человеческого духа» [1, с. 33].

Эта работа представлялась наиболее сложной, трудоёмкой и длительной. Особая роль отводилась решению таких вопросов, как подбор преподавательских кадров, изменение методов и методологии преподавания. «Буржуазные» профессорско-преподавательские кадры в деле «реформирования окружающей материальной среды» были не пригодны. Преподавание в советской высшей школе должно было быть полностью очищено от буржуазных идей дореволюционной профессуры. К решению этого непростого вопроса власти приступили немедленно. «Положение о научных работниках» от 1920 года лишало академические советы и другие органы высших учебных заведений права непосредственного

избрания профессоров: «В виду этого Отдел вуз все выборы профессоров может рассматривать лишь как выборы кандидатов на профессорские должности и просит направлять все материалы по выборам в канцелярию Отдела для соответствующего представления кандидатов на утверждение Государственным Учёным Советом»¹ (I, д. 20, л. 15).

Контроль и давление на профессорско-преподавательскую корпорацию оказались всеобъемлющими. В 1922 г. в Казанский университет поступает напоминание о том, что нужно «неукоснительно следить за строгим соблюдением Положения о вуз в части, касающейся назначения профессорского и преподавательского персонала» (II, д. 9, л. 86). Напоминание, а скорее даже предупреждение, сделано было не случайно: вузы не спешили «неукоснительно» соблюдать «Положение о вуз». Новый учебный 1923 год был начат профессорско-преподавательским составом прежних лет. Хотя необходимые документы и были высланы в Москву, ответа-разрешения на преподавательскую деятельность никто дожидаться ни стал. Собственно, и сама обстановка благоприятствовала моменту, поскольку преподаватели всех вузов страны должны были одновременно получить разрешение Главпрофобра. В Государственном Учёном Совете скопилось невероятное количество заявлений, справиться с потоком которых в короткие сроки было невозможно. Этим обстоятельством незамедлительно воспользовались учёные, начав учебный год в прежнем составе и в установленные ещё дореволюционными правилами сроки. Центру ничего не оставалось, как принять решение: «В виду поступающих запросов о возможности временного допущения Правлениями вузов к преподаванию лиц, избранных на профессорские и преподавательские должности, впредь до утверждения их ГУС или Главпрофобром с выдачей таким лицам положенного вознаграждения, Совет по делам вуз разъясняет, что в целях предотвращения перерывов в преподавании, указанные выше лица могут быть, впредь до утверждения их в должностях, временно допускаемы к преподаванию» (III, д. 53, л. 45).

В академической среде с волнением следили за происходящими кадровыми перестановками. Представители профессорско-преподавательской корпорации, в большинстве своём преданные науке и преподавательскому делу, пытались вмешаться в процедуру выборов, скорректировать изменения, которые, по их мнению, способны только навредить высшей школе. Ректор Казанского ветеринарного института Р.А. Лурия в 1926 г. пишет пространное послание на имя председателя Татнаркомпроса, в котором выражает озабоченность предстоящими кадровыми перестановками в своём вузе: «В ближайшее время, насколько нам известно, предстоит рассмотрение типовых штатов Ветеринарных институтов. Болея душою за ветеринарию и ветеринарное образование в частности, я прошу Вас, перед принятием окончательного решения выслушать некоторых представителей институтов... и было бы крайне печально, если неудачные штаты Ветеринарных вузов затормозили бы их развитие. Мнение старейшего Казанского Ветеринарного института, имеющего уже 50-летний опыт, я мог бы изложить в Штатной Комиссии» (VI, л. 46).

¹ Цитаты из архивных источников приводятся с сохранением орфографии оригинала.

Опасения ректора ветеринарного института не были напрасными, позиция новой власти по отношению к профессорско-преподавательскому составу, направленная на вытеснение «старых» кадров, приводила к тому, что вакантные должности могли заменять преподаватели, не соответствующие профессиональным требованиям. Примером может служить ситуация, сложившаяся вокруг замещения вакантной должности на кафедре профессора С.С. Зимницкого. Известный профессор-терапевт Семён Семёнович Зимницкий, заведующий кафедрой Казанского университета, скончался в 1927 г. в возрасте 54 лет. После его кончины замены профессору не нашлось. Кафедра пустовала целый год, прежде чем на вакантную должность появился один кандидат – доктор Терегулов. По мнению членов бюро партийного коллектива, это был «советский доктор и научный работник. Единственный из националов, которого можно продвинуть на кафедру... Других кандидатов сейчас нет, к тому же нам следует продвинуть националов» (VIII, д. 12, л. 106). Но в то же время говорили, что «академически он слаб, поэтому может провалить и себя и кафедру». Идеологические посылы оказались сильнее профессионализма, доктора Терегулова утвердили на кафедре профессора С.С. Зимницкого.

Отдавая дань памяти и уважения своему соратнику, члены профессорско-преподавательской корпорации на различных заседаниях не раз поднимали вопрос об оказании помощи и возможности продолжения дела профессора С.С. Зимницкого. Семья профессора на тот момент осталась без всяких средств к существованию (собственно, как и большинство семей безвременно умерших учёных). В 1928 г. на одном из заседаний бюро коллектива ВКП(б) профессура поставила вопрос об оставлении при клинике сына умершего профессора С.С. Зимницкого в качестве младшего ассистента. Отстоять кандидатуру младшего ассистента не удалось: принадлежность учёного к представителям реакционной профессуры послужила даже после его смерти поводом для отказа. В заседании члены партийной ячейки вуза говорили: «Сын с политической стороны весь в отца, профессура защищает его, принимая во внимание заслуги отца» (VIII, д. 12, л. 47). Стигматизация, начатая в отношении старой профессуры, касалась и их родственников – жён и детей. Не обходили стороной представители новой власти и социальные вопросы, часто используя их в качестве методов давления. На том же собрании представитель студенчества Диковицкий говорил: «Семья профессора С.С. Зимницкого не получает пенсии, поэтому и выдвигается кандидатура сына Зимницкого. Это есть пристраивание сына профессора под видом обеспечения семьи умершего» (VIII, д. 12, л. 80).

Постепенно система выборов на должность профессоров и преподавателей стала нормализовываться. В 1929 г., чтобы стать профессором или доцентом вуза, необходимо было представить пакет документов в Наркомпрос. Так, Правление сельскохозяйственного института ходатайствовало об утверждении Н.В. Красавина доцентом по курсу аграрной политики и П.М. Толстого профессором по курсу государственного строя. Ходатайство подкреплялось пакетом документов, кандидаты на должности проходили процедуру выборов в заседании Социально-экономической предметной комиссии. Далее выборы состоялись в Учебно-плановой комиссии, а уже на основании этих результатов Правление института выносило постановление об утверждении избрания кандидатов. Материалы

заседаний надлежащим образом оформлялись и переправлялись в Москву для окончательного утверждения.

В 1930 г. вышла подробная инструкция Наркомпроса о том, что помимо результатов выборов в различных вузовских инстанциях правления должны представить общественно-идеологические характеристики на каждого преподавателя, претендующего на вакантную должность. Инструкция официально закрепляла приоритеты при выборе кандидатов: научные заслуги и общественно-политическая деятельность. В практике дореволюционного вузовского образования подобная схема отсутствовала. Выборы профессоров проходили в стенах вуза на основании исключительно научных заслуг кандидата.

Как могла, сопротивлялась профессорско-преподавательская корпорация Казанского университета, часто открыто отвергая процедуры назначения профессоров и преподавателей на должности. Документы в Москву на утверждение в должности могли не высылать или высылали с опозданием. Часть материалов оформляли неправильно, а часть могла отсутствовать вовсе. Заместитель председателя ГУС Вышинский в 1930 г. шлёт гневные послания всем директорам высших учебных заведений и среди прочего отмечает: «Ряд высших учебных заведений РСФСР не представляют на утверждение Наркомпроса или представляют несвоевременно кандидатов на должность профессоров. <...> В делах часто отсутствуют те или иные документы. В особенности часты случаи отсутствия в этих делах общественно-политической характеристики кандидатов, что является серьезным затруднением при разрешении вопросов на утверждение кандидатов» (I, д. 178, л. 37). Пытаясь сохранить профессиональное пространство, в профессорско-преподавательской среде не торопились переориентироваться на общественную жизнь, потому и отсутствовали в документах, посылаемых в Москву, материалы об общественно-политической работе преподавателя.

Ежедневная борьба за социализацию вынуждала профессорско-преподавательский состав вузов Казани выражать и прямой отказ от дискуссий по политико-идеологическим вопросам. Нередко это происходило при рассмотрении кандидатур на замещение вакантной должности. Так, на заседании предметной комиссии, на котором поднимался вопрос о замещении вакансии штатного ординатора, профессор медицины В.С. Груздев заявил, что он воздерживается от обсуждения кандидатур, если они будут обсуждаться только с политической точки зрения, так как считает себя не компетентным в этом вопросе (IV, л. 128).

Пристальное внимание к общественно-политическим заслугам преподавателей не было случайным. Основы советской идеологии в высшей школе могли заложить преподаватели общественных дисциплин, знакомые с теорией марксизма-ленинизма, а «буржуазные» преподаватели должны были либо перевоспитаться и стать советскими, либо покинуть высшую школу. В связи с этим ситуация, сложившаяся вокруг замещения вакантных должностей, осложнялась существенной проблемой. Дело в том, что во всех без исключения распоряжениях, поступающих из центра, было одно «но»: распоряжения касались всех преподавателей, кроме тех, которые читают общественные дисциплины. «Лицо, избранное преподавателем по одной из общественных дисциплин, может приступить к исполнению своих обязанностей лишь по получении утверждения Главпрофобра, что относится также и к лекторам по курсу общеобразовательного минимума» (II, д. 9, л. 86).

Распоряжением от 1923 г. преподавателям позволили исполнять свои обязанности, не дожидаясь разрешения Главпрофобра, кроме преподающих общественные дисциплины. По сути, преподаватели общественных дисциплин оказались вне закона ещё и потому, что были расформированы все факультеты общественных дисциплин вузов. С целью максимально разрушить старую систему преподавания общественных дисциплин в Казанском университете, как и в других вузах страны, был ликвидирован историко-филологический факультет. На его месте создали факультет общественных наук (ФОН), куда был объявлен конкурс на замещение вакантных должностей. Деформируя старые социальные институты с помощью их переименования, пытаясь изменить их численный состав, власти намеренно разрушали прежнее образовательное пространство.

В полном недоумении и растерянности оказались учёные историко-филологического факультета Казанского университета: был расформирован их старейший факультет, им не позволяли исполнять свои прямые обязанности, весь профессорско-преподавательский состав был уволен. Стать преподавателем факультета общественных наук было очень непросто, решить проблему можно было только с помощью центральных органов. В мае 1920 г. университет направил ходатайство о разрешении вновь зачислить профессорами Казанского университета Е.Ф. Будде, С.П. Покровского, В.П. Доманжо, М.М. Агаркова, Ю.Н. Фармаковского. Государственный Учёный совет, рассмотрев ходатайство, постановил: «Признать невозможным удовлетворить означенное ходатайство» (III, д. 34, л. 42).

На начало учебного 1921 г. от Главпрофобра не последовало никаких распоряжений относительно профессорско-преподавательского состава факультета, денежное вознаграждение было выписано только до августа. 24 августа на заседании Правления Казанского университета выступал заместитель декана факультета общественных наук Е.Ф. Будде. Выражая общее недовольство сложившейся ситуацией, учёный говорил, что ФОН находится в «ненормальном положении, а также вся корпорация профессоров и преподавателей бывшего историко-филологического факультета». Он горячо защищал своих коллег: «Нельзя игнорировать точку зрения профессоров и преподавателей бывшего историко-филологического факультета. Связанные в своём преобладающем большинстве долголетней службой, научной и преподавательской деятельностью с Казанским университетом и частью не желающие поэтому без прямой к тому необходимости искать приложения своих сил где-нибудь вне Казани, несмотря на тяжёлые условия жизни в ней, частью же стеснённые формальными и материальными препятствиями в своих попытках устроиться в других университетах, профессора и преподаватели остаются в неопределённом служебном и материальном положении уже при самом наступлении осени, когда всякие переезды делаются особо трудными» (III, д. 47, л. 5).

Такое «шаткое» положение преподавателей общественных дисциплин сохранялось довольно долго. В 1926 г. на ректорском совещании вузов города Казани обсуждали вопрос юридического положения преподавателей общественных дисциплин. Н.-Б.З. Векслин, будучи ректором Казанского университета, говорил, что «положение их недостаточно выяснено, они не участвуют в университете

ни на одном факультете, а считаются межфакультетскими. Такое положение является ненормальным» (V, д. 1317, л. 17).

Ещё более усугублялось положение профессорско-преподавательского состава вуза в связи с последовавшей чередой увольнений. Инициаторами увольнений профессоров и преподавателей в 20-е годы были новые власти. Как правило, документ об увольнении профессора или преподавателя поступал от уполномоченного Главпрофобра, например: «Настоящим ставлю в известность, что профессор Бенинг Карл Владимирович и Фишер Август Георгиевич отчислены мною как уполномоченным с занимаемой должности без права поступления в какое бы то ни было учреждение Главпрофобра и Татглавпрофобра» (II, д. 352, л. 342). Подобное увольнение лишало преподавателя права на профессиональную деятельность, полностью вычёркивало из состава профессорско-преподавательской корпорации и впоследствии обрекало на самое неприглядное существование. Положение неопределённости, в котором находились преподаватели общественных дисциплин, затрудняло их профессиональную социализацию, приводило к растерянности и невозможности идентифицировать себя в новом обществе. Видимо, поэтому преподаватели (в первую очередь общественных дисциплин) оказались выброшенными из нового социально-профессионального окружения.

Тактика вытеснения «старых» преподавателей особенно ярко проявилась в 30-е годы. В распоряжениях Народного комиссариата по просвещению, датированных 30-ми годами, в срочном порядке решаются вопросы снятия с должностей профессоров и преподавателей общественных дисциплин (теперь эти вопросы решали сами вузы): «В трёхдневный срок выслать списки всех снятых профессоров и преподавателей по социально-экономическим дисциплинам за последние три месяца» (VII, л. 65). Рапортовали в центр каждые три месяца с пометкой «спешно» все вузы Казани, ср., например, отчёт за 1932 год от директора Восточно-Педагогического института Касымова: «Снятых профессоров с должности нет. Доцент снят один – Подольский, мотивы снятия посланы» (V, д. 1317, л. 64).

Практика смены старого профессорско-преподавательского состава общественных дисциплин была характерным явлением всего десятилетия, и в первую очередь потому, что необходимость сохранять старый профессорско-преподавательский состав полностью отпала: к 30-м годам в спешном порядке была подготовлена новая когорта преподавателей, «подкованных» в области марксистско-ленинского учения. Вот какую характеристику в 1933 г. получил преподаватель кафедры социалистического земледелия Высшей коммунистической школы сельского хозяйства Т.В. Курамшин: «Работает в школе с января 1933 года, окончил аспирантуру при КСХИ. За всё время аспирантуры был лучшим ударником, был премирован. В аспирантские годы одновременно был Заведующим отделением и преподавал на курсах, был выдвинут ударником с мая 1933 года. Весьма аккуратен как по службе, так и общественной работе. Активный “Зотовец”» (IX, л. 124).

Окончательное закрепление процедуры выборов на вакантные должности профессоров и доцентов произошло в 1936 г. Инструкция от 23 июня, изданная на основании постановления Союза СССР и ЦК ВКП(б) «О работе высших учебных заведений и о руководстве высшей школой», детально регламентировала

работу вузов, в том числе и в части проведения конкурса на замещение вакантных должностей заведующего кафедрой, профессоров кафедры и доцентов.

Подбор нового профессорско-преподавательского состава для советских вузов происходил не только путём назначения из центра. Достаточно большая работа по формированию нового состава профессорско-преподавательских кадров происходила и в стенах вузов. Оставление на кафедре наиболее одарённых студентов с целью подготовки к учёному званию практиковалось и в дореволюционных вузах. Как правило, профессор по кафедре рекомендовал наиболее успешным студентам остаться в высшем учебном заведении и брал на себя обязанности по дальнейшей подготовке будущего молодого учёного.

Ситуация резко изменилась в связи с пролетаризацией учебных заведений и политикой «выдвиженчества» пролетарской молодежи на замещение вакантных профессорско-преподавательских должностей. Дело оставления студента на кафедре обсуждалось отнюдь не на заседаниях учёных профессоров, а на заседаниях партийных коллективов вузов, на которых можно было услышать: «Надо выдвигать более подходящие кандидатуры. Своих рабочих и крестьян надо подготавливать со второго курса... приемлем для партии – за него голосуем, не приемлем – проваливай... и если представляемые кандидатуры не будут близки к нам в социальном положении, то не проводить их в научные работники» (VIII, д. 12, л. 47).

Политика «выдвиженчества» преследовала цель «расслоения» научной интеллигенции, о чём неоднократно говорилось на собраниях партийных ячеек вузов. Так, в отчёте коммунистической ячейки № 3 при Казанском университете отмечалось: «Начиная со следующего года, когда в состав научных сотрудников войдут окончившие в этом году коммунисты и вполне лояльные врачи, можно предполагать, что связь с профессурой не только будет установлена, но и само расслоение её примет вполне реальные формы» (VIII, д. 2, л. 18).

Специалист-«выдвиженец» был обязан иметь активную позицию не только в вопросах преподавания марксистских предметов, но и по отношению к «реакционной» профессуре. В 1929 г. многие собрания партийных ячеек устраивались открытыми, на них обсуждались и кандидатуры «выдвиженцев». Среди прочих часто звучали вопросы такого рода: «Что делали конкретно по борьбе с реакционной профессурой?». По всей видимости, вопрос задавался часто и был ожидаем, поскольку звучал, вероятно, заранее подготовленный ответ: «Старался проводить партийные постановления в частных разговорах с профессурой и на заседаниях» (X, д. 13, л. 65).

Работа по выдвижению молодых специалистов проходила не всегда успешно. Так, подводя итоги работы с «выдвиженцами», профессор Г.К. Камай в 1929 г. констатировал следующее: «Вопрос о научных работниках стоит плохо. Мы не знаем, продвигаются они вперёд или нет. Беспартийные научные работники в момент выдвижения были наши, а теперь почти отказываются от нас или сидят, молча в тишине» (X, д. 18, л. 8). Такое поведение молодых научных работников может быть вполне объяснимо, если проследить некоторые поведенческие практики профессуры по отношению к «выдвиженцам»: часть профессорско-преподавательского коллектива Казанского университета под разными предлогами вообще отказывалась работать с «выдвиженцами».

Курьёзный случай произошёл на одном из заседаний бюро ячейки ВКП(б) Геолого-биологического факультета Казанского университета. На собрании в повестке дня стоял вопрос о работе с «выдвиженцами». Руководство собранием было поручено профессору Н.А. Ливанову. Всем своим поведением профессор демонстрировал небрежение к практике выдвиженчества, вначале он «вообще никакой повестки вниманию собрания не представил. При молчаливом согласии тех, кто должен вмешаться в это, профессор начал читать циркуляр о производственной практике». Однако полностью игнорировать вопрос о «выдвиженцах» не удалось. В самом конце, при закрытии собрания, когда всё-таки этот вопрос был поднят, в защиту позиции Н.А. Ливанова выступил профессор М.Э. Ноинский. Аргументы профессора-геолога были просты – чрезмерная занятость («мы по горло заняты»), отсутствие платы за руководство молодыми учёными («выдвиженцы деньги получают, а мы за руководство ими ничего») (X, д. 54, л. 13).

Чтобы сохранить прежнюю профессорско-преподавательскую корпорацию, учёные предпринимали настойчивые попытки провести в состав «выдвиженцев» «свои» кандидатуры, горячо защищавшиеся на собраниях партийных коллективов. Многие стенограммы партийных собраний не донесли до нас текстов выступлений профессуры, звучавших в защиту «своих» кандидатов на выдвижение в научные работники. Однако сохранилось немало свидетельств противоположной стороны, по которым можно делать выводы. Протокол собрания бюро партийного коллектива Казанского государственного университета от 24 октября 1927 г. сохранил следующую запись: «Профессорская часть проваливает кандидатов, выдвинутых нами. Эти выступления являются политическим натиском профессуры. Нужно дать понять профессуре, что на эти уступки мы не пойдём...» (VIII, д. 7, л. 41).

В 1929 г. вышло заключение бюро ячейки ВКП(б) физико-математического факультета, в котором можно прочесть: «Профессорско-преподавательский состав не может быть охарактеризован как близкий советской общественности. Прежде всего – не говоря уже о профессорах и доцентах – среди младших работников – нет социально близких нам выходцев из рабочих и крестьян, которые целиком разделяли бы политику партии в вузовских вопросах и служили бы опорой студенческих организаций... Эти представители молодых научных работников... были рекомендованы на научную работу профессорами и это обстоятельство при наличии других (социальное происхождение, чуждая идеология) делают из них, из этих молодых преподавателей и ассистентов – раболепствующих людей, совершенно не способных к самостоятельному мнению» (X, д. 14, л. 74).

Подобный способ сохранения окружающего профессионального пространства использовал потомственный геолог, сын известного профессора П.И. Кротова Борис Петрович Кротов. Профессору удалось «при самом резком отпоре студенческих представителей» отстоять две кандидатуры ассистентов на кафедре при минералогическом кабинете – братьев Успенских. Правда, избежать нападков со стороны по-советски настроенных преподавателей и студентов не получилось, ассистенты были вынуждены вести довольно замкнутый образ жизни. Стигматизация «старой» профессуры коснулась и их учеников. На партийных собраниях про них говорили: «Раболепствуют перед Кротовым и вместе

с Кротовым выживают из кабинета единственного по-советски настроенного ассистента Миропольского» (X, д. 14, л. 74).

Сложности социализации испытывали не только ученики «старой» профессуры, но и их дети. Редко кому из них удавалось продолжить преподавательскую династию, поскольку тень «старой» профессуры ложилась и на них. Вот какую характеристику дали члены бюро партийной ячейки университета П.А. Бадюлу, сыну известного профессора-медика А.Н. Бадюла: «Бадюл Петр Анатольевич за время пребывания на медицинском факультете был в пассивной оппозиции... за всё время очень злой не советский человек. Был провален как неподходящий по социальному положению и происхождению, как нежелательный оставлению при университете» (VIII, д. 2, л. 93).

Позднее по вопросу оставления ординаторов и ассистентов на кафедре стали созывать специальные комиссии с участием представителей общественности. Студент-медик А. Диковицкий так описывает реакцию профессуры: «Для срыва этого мероприятия устраивается ряд частных совещаний профессуры и преподавателей для выработки мер противодействия или обхода этой инструкции. Создаётся своя стряпня в “кухмистерской” частных совещаний: на очередь выплывает очередной трюк-проект о создании института экстернов-ординаторов, минуя государственную комиссию, подвергающихся факультетской баллотировке и оставляемых при клиниках факультетом по освобождению вакантных должностей. Этому новорождённому проекту, выношенному в муках тайных родов частных совещаний, не суждено было долго услаждать своих родителей, ибо он был обезврежен соответствующим постановлением комиссии» [2, с. 320].

Не прекращались протесты профессуры против советских «выдвиженцев» и в 30-е годы, некоторые характеристики сохранили документы: «В 1930-м году положение в Казанском Университете характеризовалось обострением борьбы с реакционными представителями профессуры – основа такой борьбы – желание этой профессуры создать себе смену из людей рабочего класса и коммунистов» (X, д. 87, л. 290). Остались и свидетельства той борьбы за профессию. Профессор Самойлов Александр Филиппович возражал против того, чтобы сделать выдвиженцем на научную работу коммуниста, сына рабочего Комарова. Профессор-химик Алексей Яковлевич Богородский, выступая против оставления аспирантом коммуниста Левина, говорил, что «для научной работы нужна особая интеллектуальная организация, особое предварительное воспитание, особая кровь – которых у Левина не было» (X, д. 87, л. 290). Говорили, что профессор-зоолог Николай Александрович Ливанов собирает вокруг себя худшие в идеологическом отношении элементы тогдашнего студенчества («Если у нас в научные работники будут идти из противоположного лагеря, этот консерватизм мы долго не изживём»), а один из преподавателей так оценил политику выдвиженчества: «Приходится обучать науке людей, к науке не способных» (X, д. 87, л. 290).

В действительности на научную работу могли выдвигаться люди весьма далёкие от неё. В 1927 г. в Правление университета поступило заявление от бывшего ассистента геодезии на лесном факультете З.С. Богданова. Кандидатура З.С. Богданова была отклонена Правлением как не подходящая для научной деятельности (не имел даже высшего образования), на что заявитель решительно возражает: «Что я не бумажный инженер – факт. Я не имею подобного бумажного

звания...» (V, д. 1312, л. 107). Дело было рассмотрено в Татнаркомпросе, и вскоре пришёл ответ за подписью народного комиссара по просвещению Тагирова: «Отстранение З.С. Богданова от работы в Сельскохозяйственном институте отзовется отрицательно в отношении выдвижения научных работников из отсталых национальностей» (V, д. 1312, л. 107 об.).

Открытое противостояние научной интеллигенции жёстко наказывалось властью. Часть учёных лишались педагогической практики. Профессор Б.П. Кротов был уволен из Казанского университета за «издевательское отношение ко всем мероприятиям выдвижения на научную работу студентов-геологов – комсомольцев». Профессор-ихтиолог М.Е. Макушек с мотивировкой «затирал и решительно не хотел руководить нашими выдвиженцами» (X, д. 87, л. 290) был также уволен из Казанского университета.

Весьма непросто оказалось адаптироваться в новой системе представителям профессорско-преподавательской корпорации. Десятилетиями наработанная система преподавания должна была уступить место «непонятной», по мнению большинства учёных, пролетарской высшей школе. Новые, культивируемые советской властью методы преподавания неизбежно наталкивались на стену непонимания со стороны научной интеллигенции. Попытки защитить устои «старой школы», а вместе с ними и прежнее социальное пространство заставляли учёных искать всё новые пути социализации.

Summary

O.A. Khabibrakhmanova. Soviet Manpower Policy and the Scientific Intelligentsia of Tatarstan in the 1920s and 1930s.

The article deals with the problems of Soviet manpower policy at higher educational institutions in the 1920s and 1930s. The changes in the system of high school management and the ideological and political changes in the Soviet society, which directly influenced the professional practice of scientists, are analyzed. A conclusion is made that the restructuring of science led to the radical changes in the life of the whole scientific community.

Keywords: scientific intelligentsia, personnel work, Soviet power, Kazan University, elections, post, control, faculty of social sciences.

Источники

- I – НАРТ (Национальный архив Республики Татарстан). Ф. Р.-926 (Казанский сельскохозяйственный институт). Оп. 1. Д. 9, 20, 178.
- II – НАРТ. Ф. Р.-262 (Казанский политехнический институт). Оп. 1. Д. 9, 352.
- III – НАРТ. Ф. Р.-1337 (Казанский государственный университет). Оп. 1. Д. 53, 34, 47.
- IV – НАРТ. Ф. Р.-1337. Оп. 5. Д. 33.
- V – НАРТ. Ф. Р.-3682 (Народный Комиссариат просвещения Татарской АССР). Оп. 1. Д. 1312, 1317.
- VI – НАРТ. Ф. Р.-2646 (Казанский государственный ветеринарный институт). Оп. 1. Д. 121.
- VII – НАРТ. Ф.Р.-1487 (Казанский педагогический институт). Оп. 1. Д. 359.

VIII – ЦГА ИПД РТ (Центральный государственный архив историко-партийной документации Республики Татарстан). Ф.Р.-624 (Первичные партийные организации Казанского государственного университета). Оп. 1а. Д. 2, 7, 12.

IX – ЦГА ИПД РТ. Ф. Р.-1199 (Высшая коммунистическая сельскохозяйственная школа). Оп. 1. Д. 195.

X – ЦГА ИПД РТ. Ф. Р.-624. Оп. 1. Д. 13, 14, 18, 54, 87.

Литература

1. Организация науки в первые годы Советской власти (1917–1925). – Л.: Наука, 1968. – 478 с.
2. *Корбут М.К.* Казанский государственный университет имени В.И. Ленина за 125 лет 1804/05 – 1929/30: в 2 т. – Казань: Изд-во Казан. ун-та, 1930. – Т. 2. – 385 с.

Поступила в редакцию
20.11.12

Хабибрахманова Ольга Аркадьевна – кандидат исторических наук, заведующая кафедрой рекламы и связей с общественностью, Казанская академия социального образования, г. Казань, Россия.

E-mail: *OlgaAH@yandex.ru*